

Цзян Юн не переставал говорить комплименты, и после нескольких кругов, почувствовав, что момент подходящий, он сразу перешел к делу.

— Смотрите, уже девять часов, Сюй Шао, наверное, закончил работу. Почему бы вам не позвонить ему, чтобы мы могли собраться вместе сегодня вечером?

Тема, поднятая директорами «Аофа», теперь была повторена двоюродным братом жены директора «Аофа», словно это могло пробить холодный отказ Хань Сюня.

Уже уставший от уговоров выпить, Хань Сюнь с легким румянцем на щеках и понимающей улыбкой на лице четко сказал:

— Если господин Цзян хочет увидеть Сымяо, ему следовало бы прийти на ужин, куда его пригласили. Сегодняшний ужин дяди устроили специально для меня, зачем звать его сюда и портить настроение?

Выражение лица Цзян Юна стало пестрым, словно его ударили дубинкой. Это было забавно.

Он думал, что этот маленький сценарист, выпив, показал свое истинное лицо и начал задираться!

Директора «Аофа» были вежливы, а он уже называл их дядями, словно дал ему немного цвета, а он уже готов открыть красильную мастерскую!

Бесстыдник!

Внутри Цзян Юн кипел от презрения, но сохранял фальшивую улыбку и сказал:

— Я просто беспокоюсь, что учитель Хань опьянеет. Смотрите, эта бутылка байцзю уже наполовину пуста, красного выпито много, а вы еще и бутылку пива выпили. Смешивать напитки вредно для желудка. Я боюсь, что Сюй Шао будет волноваться, увидев вас вечером, и хочу, чтобы директора объяснили ему ситуацию.

— Мои отношения с Сымяо не нуждаются в объяснениях, — Хань Сюнь не принял эти слова всерьез. — Но в одном вы правы.

Улыбка Хань Сюня стала искренней, а его взгляд, наполненный легким опьянением, заставил даже Цзян Юна, привыкшего к красоте актеров и актрис, на мгновение потерять дар речи.

— Что... что именно? — Цзян Юн не понимал, какое из его многочисленных слов заслужило одобрение.

Хань Сюнь сказал:

— Смешивать напитки вредно для желудка. У меня слабый желудок, и я уже выпил достаточно.

Затем он встал, допил последний глоток красного вина и с легкостью сказал:

— Благодарю всех за приглашение сегодня вечером. Завтра мне нужно ехать на съемочную площадку, поэтому на сегодня я заканчиваю. Давайте встретимся в следующий раз.

Он собирался уходить.

— Сяо Хань, ты, наверное, пьян? — с улыбкой спросил директор Сюй.

Хань Сюнь, с румянцем на лице, но с ровным дыханием, ответил:

— Нет.

Директор Вэй не сдавался:

— Пьяные всегда говорят, что они трезвы. Сяо Хань, не стесняйся. Остайся сегодня в Сушане, проведи здесь несколько дней. Что касается съемочной площадки... Пусть Ду Цзянлан попросит отпуск за тебя. Мы хорошо знакомы с режиссером Вэнь Ханом, он не откажет нам.

Несмотря на то, что прошло уже несколько часов, они все еще не сдавались.

Казалось, они были уверены, что, удерживая здесь Хань Сюня, они заставят Сюй Сымяо прийти на помощь.

Хань Сюнь, с румянцем на щеках и мутным взглядом, даже не пытался позвать Сюй Сымяо на помощь, продолжая пить смешанные напитки, и они не могли найти повода для конфликта.

— Не нужно, — сказал Хань Сюнь. — Я не привык оставаться ночевать вне дома.

С этими словами он встал и направился к выходу.

Как только он двинулся, Ду Цзянлан, естественно, извинился и последовал за ним, тихо спросив:

— Учитель Хань, вы в порядке?

— Я в порядке, — покачал головой Хань Сюнь. — Я думаю, я еще далек от опьянения.

Однако, сделав несколько шагов, Хань Сюнь почувствовал головокружение. Если бы Ду Цзянлан не поддержал его, он бы упал у стены.

Его шаткая походка привлекла внимание всех, и они начали выражать свою заботу.

— Сяо Хань, если ты пьян, не перенапрягай себя.

— Давайте, Цзян Юн, отведи Сяо Ханя в его комнату. Мы все подготовили.

Хань Сюнь, казалось, имел хорошую выносливость к алкоголю, но теперь, когда эффект начал проявляться, он уже не мог стоять прямо. Ду Цзянлан и Цзян Юн почти несли его.

Его разум был еще ясен, и он крепко держался за Ду Цзянлана, не желая приближаться к Цзян Юну.

Когда они подошли к двери заказанной комнаты, Ду Цзянлан все еще крепко держал Хань Сюня, и Цзян Юн уговаривал:

— Ду Цзянлан, твоя комната в 3019. Я вижу, ты устал. Я позабочусь об учителе Хане.

Ду Цзянлан знал, что если даже комната была подготовлена, то ничего хорошего не произойдет, и упрямо сказал:

— Я провожу учителя Ханя в его комнату.

Он привел его сюда, и если не сможет вернуть его целым и невредимым, он не знает, как разозлится Сюй Шао, готовый на все ради своего любимца.

Ду Цзянлан не хотел ссориться с директорами, но он не боялся ссориться с агентом Юэ Ланьсинь.

Что такого в этом дальнем родственнике мадам Цзян? Если бы у него действительно были связи, Юэ Ланьсинь не была бы так легко уволена!

Цзян Юн не ожидал, что послушный Ду Цзянлан так защитит Хань Сюня, и быстро объяснил:

— Комната здесь, зачем тебе провожать? Иди отдыхать, завтра еще съемки.

Чем больше он пытался отправить его прочь, тем сильнее Ду Цзянлан держался.

Кто знает, что агент Юэ Ланьсинь может сделать с Хань Сюнем.

На мгновение они замерли у двери, и вдруг дверь комнаты, заказанной для Хань Сюня, открылась.

Из нее вышла женщина.

Она была одета в глубокое декольте и короткую юбку, и Ду Цзянлан сразу узнал ее.

— Юэ Ланьсинь?

Юэ Ланьсинь не сказала ни слова, а подошла и взяла другую руку Хань Сюня, пытаясь забрать его у Ду Цзянлана и войти в комнату.

— Нет, — сказал Ду Цзянлан, пьяный, но все еще в здравом уме. — Что ты делаешь в этой комнате? Я позабочусь об учителе Хане, не беспокойтесь.

Шутка ли, что может произойти, если мужчина и женщина останутся наедине в комнате, Ду Цзянлан мог представить даже в пьяном состоянии.

— Брат Ду, просто сделай вид, что ничего не видел, и дай нам войти в комнату, — Юэ Ланьсинь выглядела умоляюще, с жалким выражением лица.

Она и Цзян Юн наконец-то получили этот шанс, чтобы задержать Хань Сюня.

Если они войдут в комнату, снимут одежду и лягут вместе, сделав несколько фотографий и видео, она сможет получить рычаг влияния на Хань Сюня и вернуться в съемочную группу.

Что такого в этом маленьком сценаристе, любимце инвестора? Если она поставит ему рога, он точно не посмеет говорить об этом и будет выполнять ее требования.

Даже с головной болью от алкоголя, Ду Цзянлан изо всех сил обнял Хань Сюня и нахмурился:

— Юэ Ланьсинь, если хочешь что-то сказать, скажи это учителю Ханю завтра. Мы оба мужчины, я позабочусь о нем.

— Какой он мужчина, он гомосексуалист! — с презрением в голосе сказала Юэ Ланьсинь, подняв бровь и насмешливо взглянув на него. — Ду Цзянлан, ты что, привязался к Сюй Сымяо, а теперь положил глаз на этого сценариста?

— Кто положил глаз на какого сценариста?

Игривый тон раздался позади них.

Сюй Сымяо, в коричневой рубашке и брюках, с улыбкой на лице, но с игривым взглядом.

Он одним взглядом охватил Хань Сюня в объятиях Ду Цзянлана, и его выражение вдруг стало насмешливым, а голос мягким и слегка озадаченным:

— Вы что, решаете, кто сегодня вечером согреет мою постель с Хань Сюнем?

Спаситель прибыл, и Ду Цзянлан сразу же облегченно вздохнул, передав Хань Сюня в руки Сюй Сымяо, а затем отступил на шаг, подняв руки, словно сдаваясь:

— Учитель Хань пьян, я просто поддерживал его.

Сюй Сымяо легко обнял Хань Сюня.

Сменив объятия, Хань Сюнь даже начал сопротивляться. Даже в полубессознательном состоянии он пытался вырваться из груди Сюй Сымяо и удариться о стену коридора.

— Ладно, ладно, это я, — Сюй Сымяо крепко держал его, пьяный человек был довольно сильным, и Сюй Сымяо пришлось поднять руку и нежно погладить его по спине, успокаивая, как испуганного кота, шепча ему на ухо. — Спи, я все улажу.

Возможно, почувствовав знакомый запах, Хань Сюнь наконец расслабился и остался в объятиях Сюй Сымяо.

Сюй Сымяо, как всегда, был одет в аккуратную рубашку и костюм, но, держа в руках сценариста в спортивном костюме, он не выглядел неуместно. Он поднял бровь, с улыбкой глядя на Юэ Ланьсинь... и ее глубокое декольте.

Мысли Юэ Ланьсинь были так же очевидны, как и ее декольте.

Таких женщин, как она, Сюй Сымяо видел по тридцать в день, но агент, который осмелился вовлечь директоров «Аофа» в заговор, чтобы напрямую угрожать Хань Сюню, был только один.

Когда «Аофа» рухнет, все директора, участвовавшие в заговоре, не уйдут от ответственности, но Юэ Ланьсинь...

Сюй Сымяо не собирался давать лицо родственникам своей мачехи. Юэ Ланьсинь была той женщиной, которая, как призрак, продолжала мелькать перед ним, даже после того, как ее выгнали.

Взгляд Сюй Сымяо скользнул по ней, и его выражение было трудно описать, но Юэ Ланьсинь, уверенная в своей красоте, гордо выпрямилась, предлагая себя для оценки.

Юэ Ланьсинь не считала, что кто-то может отказать ей. Даже если ходили слухи, что Сюй Сымяо гей, если он захочет поиграть с женщиной, она сама предложит себя, и, возможно, получит выгоду!